

НАТАЛЬЯ
ЗВЯГИНЦЕВА

ДВУХГОЛОВЫЙ
ВСАДНИК

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-45

Оформление серии *Ольги Фатиховой*

Редактор серии *Любовь Латышова*

Звягинцева, Наталья.

3-45 Двухголовый всадник / Наталья Звягинцева. —
Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-246810-0

В поисках уединения граф Николай Алексеевич Вислотский отправляется в родовое имение Белополье, надеясь оставить позади душную летнюю Москву и назойливое внимание княгини Рагозиной. Но покой оказывается недолгим: в усадьбе появляется странствующий сказочник, и вскоре одна из его жутких историй начинает сбываться, приводя к трагическим последствиям.

Вислотский оказывается втянут в расследование, где за благополучием соседских усадеб скрываются старая вражда, ложь и вина. Однако тревожат графа не только чужие тайны. В собственном доме он находит одинаковые портреты покойного отца — портреты, различия между которыми будто скрывают зашифрованное послание.

Пытаясь разрешить загадку прошлого, граф понимает, что происходящее в Белополье связано с ней куда теснее, чем кажется. Возможно, кто-то очень не хочет, чтобы правда была раскрыта.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246810-0

© Звягинцева Н., 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предлог

Дорога бежала меж заросших холмов, меж полей и зелёных лугов. Весело извивалась, словно молодая змейка, только вылупившаяся из яйца и тычущая своей слепой тупоносой головкой в разные стороны в поисках солнечного тепла. Дождя в это лето не случилось уж неделю, и оттого каждый шаг, сделанный по этой дороге, отдавался гулким сухим вздохом и выдохом облака сизой пыли, что пробиралась в нос вместе с травянисто-цветочными запахами и смешно щекотала.

По дороге смиренно шагал путник. На спине его болталась убогая котомка, такая, что ни один разбойник не позарится. На кривой тонкой шее раскачивалась морщинистая голова, а ноги, обутые в полуразвалившиеся лапти, мягко пружинили, выдавая бывалого ходока. Длинная белая борода разделилась надвое и трепетала, словно крылышки неведомой птицы. Звали странника Прокопием.

Запустив руку за пазуху, старик нащупал тяжёлый кошель и улыбнулся. Давненько у него не

выдавались столь удачные дни, да что там дни, целые недели. Вот начать бы хоть с придорожного трактира, где сердобольный хозяин вместо того, чтобы выгнать старика вшаей за то, что тот похлёбку схлебал, краюху хлеба сжевал да не расплатился, плеснул старику полчарочки медка да позволил в сухом уголке заночевать. Вот было удивительное дело! Сколько лет Прокопий землю топчет, а такое с ним впервые приключилось. Не чудо ли?

В благодарность за обращение принялся тогда старец трактирную публику потешать сказками разными. Надо добавить, что был он знатным сказочником, помнил небылиц столько, что месяц рассказывать будешь, а ни разу не повторишься. Так публика в том трактире за эти сказы старика в складчину целым рублём одарила. Вот и второе чудо!

Наутро же один из постояльцев Прокопия к себе поманил, да и говорит, что, мол, в десяти верстах на восход есть богатая усадьба, а в ней помещик живёт толстый да весёлый. Вот, говорит, иди туда, сказки свои ему Расскажи и увидишь, что будет.

И пошёл, а почему б не пойти. Дорога она куда хочешь бежит, ей без разницы, в какую сторону. А как дошёл старик до того имения, так и третье чудо подоспело.

Барин и вправду затейником оказался, сразу смекнул, что сказочник — человек полезный. А Прокопий и рад стараться, для хорошего чело-

века и не такое сделаешь. Как раз в ту пору был у барина полон дом гостей, и, чтобы их повеселить, выдумал барин с ними шутку сыграть. Вот старик-то ему и сгодился. Подучил барин его, какую сказку самой последней надобно рассказать, и за это пообещал награждение.

Все вышло наилучшим образом. Странник уж так расстарался — и голосом и всем своим видом знатную комедию сыграл, в этом уж он был мастер. Впечатление от сказа получилось отменное. А уж барыня так криком зашлась, что вышла за это старцу дополнительная полтина.

Вот ведь как бывает в жизни: один год яблочный получается — это, значит, урождается тьма этих яблок, незнамо, куда столько девать. А бывает год рыбный — путник сглотнул слюну — это, значит, в реках и озёрах пропасть рыбы плодится, хоть руками её оттуда вынимай, меньше не станет. А у сказочника, видно, этот год денежным выдался, вот ведь и такое на свете приключается.

— Ты, Прокопий, мне небом был послан, — барин похлопал тяжёлой рукою по спине старца, отчего тот пригнулся сильнее к земле, — и за это не покуплюсь на оплату...

И вот, весело перебирая лаптями и поминутно проверяя тугой увесистый кошелёк, Прокопий шагал по сухой широкой дороге. Путь его нынче лежал в Белополье, деревню многолюдную и хлебосольную, опять же по слухам. Прокопий уж почитай лет двадцать скитался по Империи, да всё никак ей конца-края видать не было. Зато люди

встречались разные, были плохие, были и хорошие, а вот равнодушные встречались редко. Всякий к старцу какую эмоцию испытывал: кто отвращение и раздражение от вида кривошеего оборванца, кто видел в нём божьего человека убогого, а кто цепким взглядом примечал бывалого хитреца, что мастак публику потешить, а после в дураках оставить.

Вот и выходило, что Прокопий везде кров и прокорм находил. Пусть под худою крышей да с миской пустых щей, но всегда встречался кто-то, готовый подать страннику полушку на милостыню.

Беззаботно улыбнувшись своим мыслям и ещё раз проверив кошель, Прокопий прибавил шаг. Вон уж и крайние избы вдали замаячили. Может, и здесь какое чудо его поджидает? Ох, хороша Русь-матушка, широка да привольна для всякого странствующего. Прокопий радостно припустил с пригорка. Жить сказочнику оставалось три дня.

Глава 1

Лето не задалось с самого его начала. И чего уж тут говорить, коли на протяжении всего мая, покуда это лето и не началось ещё вовсе, княгиня Рагозина, совершая свои ежедневные моционы, настолько укрепилась здоровьем, что дважды, а иногда и трижды в неделю принялась наезжать к графу Вислотскому с визитами. Поперву Николай Алексеевича это забавляло, насколько такое вообще было возможно. Но постепенно беседы со старой княгиней становились всё продолжительнее, а тон, с которым речи произносились, теперь походил скорее на начальственно-назидательный, нежели на дружеский.

Обращения сделались совсем уж неформальными. И кем только граф Вислотский не был — и добрым дружочком, и душечкой, и милым приятелем.

Теперь уж каждый приезд старой дамы делался для Николая Алексеевича страшной обузой, вызывая в нём раздражение и непривычное ему желание сбежать из собственного дома в тот мо-

мент, как его порог переступала костлявая старушечья нога.

Анна Павловна, напротив, сильнее входила во вкус и теперь с большим удовольствием покидала свой особняк «Мраморный слон», чтобы пригубить ароматного травяного настоя в графской гостиной. Разговоры здесь лились для неё приятные и, по её мнению, крайне полезные, развивающие не только чувственность натуры Вислотского, но и живость ума, коим природа его наградила. Да вот беда, лениности в графе оказалось столько, что забросил он свои занятия. Даже профессоров университетских перестал приглашать для учёных бесед, ссылаясь на сильную свою и их занятость. Но в чём эта занятость состояла, Николай Алексеевич не удосуживался объяснить, хотя княгиня Рагозина спрашивала об этом не единожды.

— Лестно мне, Анна Павловна, видеть ваше столь участливое отношение к моей судьбе, да только не стоит об этом переживать, — ответ графа всегда был один и тот же, — занятий у меня хватает, а лень, о который вы взялись толковать, мне не по нраву, так и знайте.

— Коли так, любезный друг, — тут Рагозина обычно вздыхала, — я очень рада, и не будем больше об этом.

Но в следующий свой приезд Анна Павловна опять начинала об том разговор и опять обещала, что в последний раз. Старая княгиня, без сомнения, считала нужным принять участие в судьбе

Вислотского, указать ему правильный путь и непременно направить туда, куда следует.

И чего таить, была у Анны Павловны идея, что не давала старухе покоя последнее время: хотелось ей незаметно для самого графа сделаться его главной наставницей и советчицей. Считала она, что пришло время графу вернуться на оставленную им по состоянию здоровья службу в столице. Несколько раз заводила она разговор, но всякий раз встречала лишь равнодушный взгляд Вислотского, не желавшего касаться этой темы. Однако сдаваться Рагозина не собиралась и, по-женски рассудив, что в этом деле нужна ей помощница, стала подбирать Николаю Алексеевичу добрую жену.

— Я уже слишком стар для таких перемен, — была первая реакция Вислотского.

Граф знал, что из-за хромоты выглядит старше своего возраста. А свойственное ему недовольное выражение лица и вечно нахмуренные брови добавляли ещё пару лет.

— Ну и пусть, Николай Алексеевич, — княгиня с энтузиазмом взялась уговаривать графа, — вот минул вам двадцать восьмой год, да и нет ничего дурного в этом. Вы же не барышня о возрасте переживать. Вид вы имеете самый представительный. Ваши манеры, коли вы сами того пожелаете, могут сойти за безупречные. Доходы же позволят не гнаться за приданым, — покровительственным тоном перечисляла Рагозина, будто не замечая того негодования, с которым граф всё это выслушивал.

Нынче расположились они у окна в голубой гостиной. Сидели за небольшим накрытым к чаю столом. В дальнем углу возле буфета неподвижно стоял дворецкий Фома Лукич, худой долговязый старик с примечательными усами. Он выпросил у графа разрешение самолично прислуживать ему и княгине во время их встреч, считая, что холопам нечего господских разговоров подслушивать.

Анна Павловна же продолжала уже не раз поднятую ею тему одинокого, а следовательно, бесполезного существования графа.

— Так что послушайтесь моего совета, подумайте, посчитайте да позвольте мне подобрать для вас партию. И помните, Николай Алексеевич, вы обязаны позаботиться и о наследнике, — закивала княгиня Рагозина, от чего оборки на её чепце заволновались. — Что бы сказал ваш батюшка Алексей Кириллович, коли был бы сейчас жив? Ведь других детей у него не было, а значит, вся ответственность за продолжение столь прославленного рода ложится на ваши, Николай Алексеевич, плечи.

Граф недовольно повёл этими самыми плечами, будто сбрасывая с них всё нежелательное, что планировала поместить туда старая княгиня. Подобные встречи непременно стоило прекращать, Вислотский это ясно понимал, ни к чему хорошему такие разговоры привести не могут. Поразмыслить об этом стоило, и как можно скорее.

Тем временем Анна Павловна с живостью, удивительной для её возраста, взялась припо-

минать всех незамужних барышень, что не составили партии в этом сезоне, а также тех, кто должны были сделаться дебютантками в грядущем. От перечисления их видных имён, коими снабдили их папеньки, и множества добродетелей, привитых им с самого их младенчества маменьками, у любого бы закружилась голова, но только не у Николая Алексеевича. Женский пол его интересовал лишь в той степени, в которой должно по этикету, а так как граф в обществе появляться не спешил, предпочитая оставаться в своём московском особняке, то интерес этот отсутствовал абсолютно. Графа это, безусловно, устраивало.

— Но следует поторопиться, мой друг, вы уже не столь здоровы, чтобы оттягивать это ответственное решение...

Упоминание о недуге заставило графа покоиться на чёрного дерева трость с литым массивным набалдашником в форме головы рычащего тигра, затем на неестественно вытянутую его левую ногу. «О какой женитьбе здесь можно говорить? Кому я такой нужен?» — Погрузившись в подобного рода невесёлые мысли, граф упустил нить разговора. Но следующее заявление княгини Рагозиной вернуло Николая Алексеевича к действительности и окончательно вывело графа из равновесия:

— А с вашим талантом отыскивать злодеев и душегубов, — Анна Павловна приняла решительный вид, — вы могли бы оказать мне услугу.

Рагозина выдержала паузу и, убедившись, что завладела вниманием графа, продолжила:

— Моя хорошая приятельница, между прочим, родительница четырёх незамужних дочерей, две из них будут дебютировать в новом сезоне, прехорошенькие барышни, рекомендую присмотреться... Так вот, о чём я говорила, эта моя приятельница подверглась странной напасти: что ни день, недосчитывается она серебряных приборов, причём только ножей. Уж велела она все имеющиеся в доме столовые приборы запирать на ночь в новый сундук. И самую верную служанку заставила на этом сундуке укладываться, мол, у неё сон чуткий. А всё равно случаются новые недостачи. Каждую ночь! И как тут не вспомнить нечистую силу...

Вислотский с прищуром уставился на княгиню:

— А вы, пожалуй, правы, Анна Павловна, — и продолжил, да только не о том, что Рагозина рассчитывала услышать, не про то, что подумает он о женитьбе, и не про то, что заинтересовала его тайна исчезновения серебряных ножей, — ваша правда, пора мне за дело взяться. Москва нынче пыльная да шумная. А как придёт жара, совсем невыносимо здесь делается...

— Неужто в столицу вернуться решили? Лето там и вправду не такое душное. И служба ваша отечеству несомненную пользу принесёт. — Рагозина вздохнула с облегчением. Наконец ей удалось убедить графа сделать верный шаг.

Николай Алексеевич, опираясь на трость, поднялся с кресла, подал знак дворецкому и вновь обратился к своей гостье:

— Пожалуй, уеду на всё лето в деревню...

— Что ж, ваше сиятельство, — неожиданно сухо заговорила старая княгиня, — не стану лукавить, вы меня удивили. Значит, между действием и бегством вы выбираете бегство?

Граф равнодушно пожал плечами и небрежно заметил:

— Бегство — это тоже своего рода действие и зачастую очень даже энергическое. А у подружки вашей узнайте, что случилось раньше — пропажа первого ножа или появление нового сундука? И передайте, пусть проследит за тем, кто её столовое серебро в сундук тот по вечерам убирает. Думается мне, он-то и есть её воришка.

Вот так по воле случая или судьбы Николай Алексеевич засобирался в одно из своих загородных имений. Для бегства из Москвы, а главное, от княгини Рагозиной, была выбрана ближайшая от древней столицы деревня Белополе.

Глава 2

В сорока верстах от Москвы, в окружении лесов и полей, раскинулась эта деревня. Белополье, по средним имперским меркам, считалась зажиточной. Новые избы здесь возводились ежегодно, хлеб да коренья разные родились исправно, а уж молочных коров в каждом дворе было, и не по одной. Люд здесь жил размеренно и без оглядки. На барщину от каждого двора забирался лишь один мужик, остальные платили установленный оброк и были сим довольны. Такие порядки заведены были ещё при жизни старого графа Алексея Кирилловича Вислотского, такие сохранились и по сей день. Следил за оными деревенский староста, назначенный ещё до наполеоновского нашествия, нынче седобородый крепкий старик Антипий.

Имение находилось в получасе ходу от деревни. Здесь стоял просторный рубленый дом в два этажа, подле него Алексеем Кирилловичем был выстроен одноэтажный флигель, впоследствии соединённый арочной галереей с главным до-

мом. На крыше же галереи была устроена продуваемая со всех сторон площадка, где в жаркие вечера любил обедать покойный граф со своею женой и малолетним сыном, при этом Алексей Кириллович строго-настрого запрещал Коленьке приближаться к краю, хоть и были там установлены крепкие дубовые перила. Какой же вид открывался с этой крыши! Сочные зелёные луга, серебряная змейка реки Ужовки, а за ней кудрявая дубовая роща. С другой же стороны, куда ни посмотришь, тянулись леса, словно на шахматной доске чередуя светлые и тёмные клетки из берёз, сосен и елей. Для дичи здесь было раздолье, и охота выходила на славу.

Известие о приезде барина, прибывшее на рассвете с посыльным, свершило в имении настоящий переполох. Суета и шум стояли в доме небывалые. Слуги поспешно раскрывали мебель, выбивали перины, натирали полы и зеркала. Дворовые сновали из комнаты в комнату, разнося и раскладывая по местам припрятанные в больших сундуках расшитые скатерти и полотенца, кружевные накидки и прочий необходимый в хозяйстве скарб.

Громко шаркая ногами и, несмотря на тёплую погоду, плотно кутаясь в грубой вязки шаль, по дому ходила старая нянька Матрёна Филипповна. Она уже много лет выполняла здесь роль экономки и сильно этим тяготилась. Была она крепостной, и не однажды старый граф предлагал ей вольную, но Матрёна наотрез отказывалась.